

Что построил Эйфель, знают все. А вот с десятком опрошенных мною москвичей не ответили на вопрос: «Кто творец Останкинской телебашни?» Хотя она - один из символов и эпохи, и столицы России. К тому же страшный пожар, охвативший ее чрево несколько лет назад, привлек особое внимание к уникальному сооружению. Говорили, что после огненной напасти оно разрушится, что его придется демонтировать. Ходило много разных небылиц, но башня стоит и будет стоять, ибо Никитин хитроумно «привязал» ее к земле. Если совсем просто: она покоится на специальной плите, удерживается в вертикальном положении стальными тросами, натянутыми внутри нее.

И глядя на вонзившуюся в небо пятисотметровую железобетонную иглу, поражаешься: «Вот ведь что сотворил человек!» В разговоре же со мной Николай Васильевич Никитин, помнится, обронил:

- Всю жизнь я проработал в пустую...

Вот те на! Доктор технических наук, лауреат Государственной премии - и эта фраза, влетевшая в наш разговор белой вороной. Он оставил людям уникальную башню. В городе от нее никуда не уйдешь: ее рост позволяет видеть Москву от края и до края. И вдруг - «впустую». Почему? Кажется, Мопассан сказал, что самое непонятное искусство - это архитектура. Тем более понять то, что опережает время, не вяжется с формой и стилем сегодняшнего дня, вдвойне и втройне труднее. И смелое звучание мысли подчас принимается за фантастическое. А Никитин часто опережал время. Многие его проекты попадали на полку. Но требовательный к себе, не удовлетворенный достигнутым, Никитин никогда не брезжал - вот-де его где-то не поняли.

Он показал мне тогда, тридцать пять лет назад, свою последнюю работу, назвав ее «некоторыми соображениями». Это был расчет трехсотэтажного дома, этаким километровой башни. Стальная коробка с длиной стен двести пятьдесят метров, в середине которой предусмотрена пустота - гигантская вытяжная труба.

- В нее, - говорил Никитин, - будет всасываться по специальным отводам вся пыль из квартир и отработанный воздух. Дом, где не нужны пылесосы.

- А сколько в нем будет жить людей?

- Сто тысяч. Но почему вы говорите в утвердительной форме? Ведь проект этот тоже, так сказать, для души.

Мне просто хотелось верить, что в будущем такой дом построят. Дом-город, где люди будут и жить, и работать, где первые двадцать этажей в полую часть здания отведены под стоянку автомашин, где триста шестьдесят скоростных лифтов смогут за час поднять к себе в квартиры все сто тысяч жителей, где через каждые семь этажей - огромные холлы с вечнозеленой растительностью, где художник будет иметь свою мастерскую, фотолюбитель - лабораторию, хотите поплотничать - место тоже найдется.

- Для такого супердома надо миллион тонн стали, - говорил Никитин. - А делать дома можно различной формы - и звездообразные, и цилиндрические.

Время супердомов не пришло. Но когда-нибудь человек, возможно, посчитает целесообразным поставить такие здания. А Никитин уже тогда «построил» из гигантских домов целый город на бумаге. На 200000000 жителей, и всех их он расселил почему-то в районе Ялты.

- Брало ли вас отчаяние, когда даже самые земные ваши проекты так и оставались на ватмане?

- Если у человека всего только одна мысль и он ее не может реализовать, он несчастен. Но вечно ищущий всегда счастлив.

Думаю, чтобы рассуждать о трудах Николая Васильевича, надо оттолкнуться от его слов: «Тридцать с лишним лет занимаюсь железобетоном, но только сейчас начал понимать его». Был поиск. Все прежние работы Никитина и подвели его к проекту Останкин-

РАССКАЗ О ЗАБЫТОМ РУССКОМ ЭКСПЕРИМЕНТАТОРЕ - ЧУДОДЕЕ ЖЕЛЕЗОБЕТОНА

НИКИТИН ПРОЕКТИРОВАЛ ДОМА В 300 ЭТАЖЕЙ

ской телебашни, другим начинаниям. Наслышанные о никитинских творениях, японцы пригласили новатора проектировать четырехкилометровую башню.

- Я уже кое-что придумал, - говорил Никитин, - но японцы отказались от своей затеи. Остановились на пятисотпятидесятиметровой высоте. Меня пригласили консультировать строительство.

Но ЦК КПСС ему не разрешил этого делать. Разве можно помогать тем, кто задумал соорудить выше советского: как вы только посмели откликнуться на предложение?! Он тяжело переживал ситуацию, в которой оказался. Пропесочили, словно мальчишку. Его руки на нервной почве покрылись струпами, и он все время пытался их спрятать куда-то.

Мы бы гордились, что наш соотечественник помогал искусным японцам. Но какой-то самодур лишил нас этого. А ведь именно тогда Никитин стал «понимать железобетон». У художника, композитора тоже так случается: вся жизнь уходит на поиск «своего» произведения. Правда, мой собеседник имел дело всего-навсего с железобетоном, нуждающимся не в чувствах, а в математике.

- Э-э-э, нет, - возразил Никитин, - математика здесь не единственная помощница. Чтобы точно провести расчет конструкций, надо знать характер железобетона. А характер есть характер, и распознается он, как и у людей, годами. Вот теперь-то я и могу предложить кое-что по теории этого самого расчета. Знаете, как интересно придумывать самую обычную балку, которая будет затем применена в народном хозяйстве, скажем, миллион раз. И в этом здании твоя мысль, и в том... Или целиком создать крепкое и красивое тело здания, а уж архитекторы наденут на него свои одежды.

С железобетоном Никитин не расставался и в войну, когда создавал типовые конструкции промышленных зданий, - на востоке строили оборонные заводы. А потом рассчитал всю железобетонную конструкцию гигантского монумента Родины-матери в Волгограде.

В забытых делах буднях он находил время «покумекать для души». Никитин относился к тем людям, которых постоянно одолевают идеи. Видел это по его глазам. Мне казалось, что, едва скройся я за дверью, как какая-то его задумка тут же возникнет на листе бумаги, обернувшись ленточкой формул: возможно, родится еще один необычный проект.

Никитин сделал проект перекрытия стадиона «Динамо». Видю, как сейчас, нарисованные карандашом дуги - клееные деревянные арки, укрепленные металлическими тросами. Ими можно перекрыть 300-метровые пролеты. И почему бы сейчас не воспользоваться никитинскими

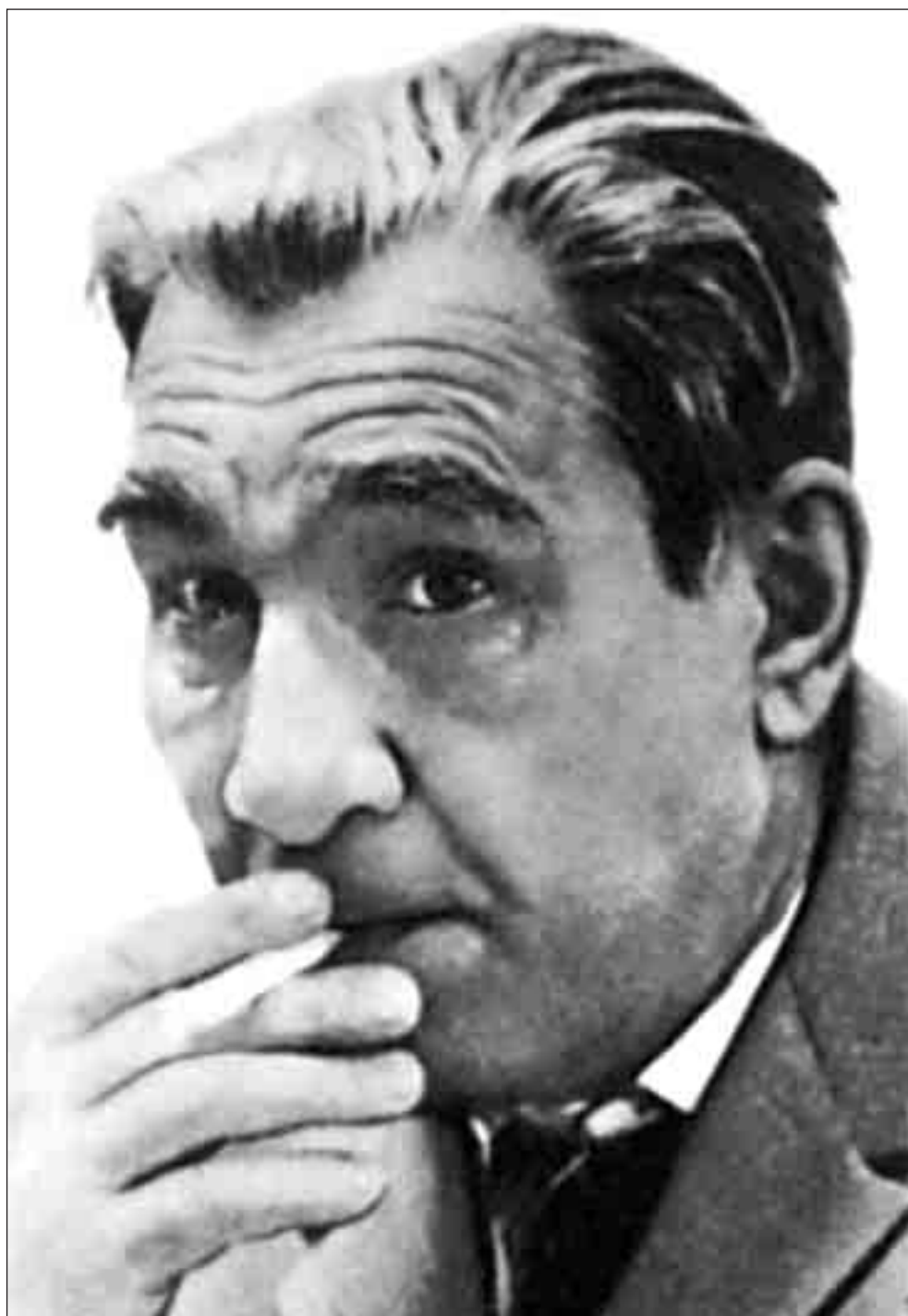
русской зры. В 1916 году Кондратюк самостоятельно (о трудах Циолковского он узнал гораздо позже) пришел к идее реактивного космического полета. Им разработан и теоретически обоснован вариант пилотируемой экспедиции на Луну через окололунную орбиту.

Инженер американского управления по космосу Джон Хуберт, разработавший проект высадки людей на Луну, вспоминает: «Когда с взволнованно бьющимся сердцем я следил на мысе

каждая из которых диаметром восемьдесят метров. Мощность станции - десять тысяч киловатт. Представьте себе этот гигантский ветряк. Даже по нынешним временам он был бы впечатляюще. Проект одобрили Серго Орджоникидзе - нарком тяжелой промышленности, поддерживавший двух изобретателей, и Академия наук. Начались разработки чертежей и уже заложили фундамент, однако после смерти Орджоникидзе работы свернули.

Ему поручили рассчитать колебания этого здания-колосса от ветровой нагрузки. А через двадцать с лишним лет он работал над новым проектом Дворца Советов - был уже главным конструктором.

Здание Московского государственного университета на Воробьевых горах стоит на никитинском фундаменте. Тогда он впервые предложил так называемый корчачый фундамент, который надежно держит московские высотные дома.

разработками? Мы же мечтаем о футболе под крышей.

Он является в моем воображении - большой и угловатый, с крестьянскими руками, простым русским лицом. Говорит неторопливо, но увлеченно. Мечтатель, проживший интересную жизнь, Николай Васильевич родился в Тобольске. В 1930 году в Томском технологическом институте он получил диплом инженера-строителя с архитектурным уклоном.

Тут-то вскоре и познакомился с Юрием Васильевичем Кондратюком. Тем самым новосибирским механиком, чьим именем сейчас назван один из кратеров на Луне. Судьба свела и подружила Никитина с очень интересным человеком, одним из провидцев косми-

Кеннеди за старт ракеты, уносившей космический корабль по направлению к Луне, я думал в этот момент о русском - Юрии Кондратюке, разработавшем ту самую трассу, по которой предстояло лететь троем нашим астронавтам...

- Видимо, дружба с Юрием Кондратюком оказала влияние и на мою работу: лезу этажами в поднебесье, - шутил Никитин.

А один из своих проектов он осуществил вместе с Кондратюком. Они рассчитали необычную ветроэлектростанцию, которую предполагали установить в Крыму, на Ай-Петри. Станция должна была представлять собой двухсотметровый железобетонный ствол с двумя колесами-лопастями-

- Во время нашей совместной деятельности мы часто беседовали с Юрием Кондратюком. Даже сейчас, во второй половине XX века, многие его мысли о завоевании космоса кажутся очень смелыми, а он видел все так ясно и говорил об этом весьма убежденно. «Был бы другой уровень промышленности, - делился Юрий, - мы могли бы запустить искусственный спутник Земли еще в 20-е годы». Доживи он до наших дней, мы имели бы гениального космического теоретика. Но он погиб в 41-м, защищая Москву в солдатской шинели.

Потом Николай Васильевич Никитин вошел в группу, проектировавшую Дворец Советов.

- Но ведь здесь можно было воспользоваться опытом строительства американских небоскребов?

- У них такие здания, - объяснял Никитин, - покоятся на скальном основании, а у нас - мягкие грунты.

Затем Никитин с группой архитекторов получил большую премию за проект здания постоянной строительной выставки. Но, к сожалению, и это сооружение осталось на бумаге, хотя идея, заложенная в нем, нашла хождение - павильон в Сокольниках, каток «Кристалл» в Лужниках. Словом, никитинская конструкция стала всеобщим достоянием.

- Ну а над Останкинской башней вы долго работали?

- Сначала ведь была предложена металлическая конструкция. Я присутствовал при ее обсуждении, где и заикнулся о железобетонном варианте. И вдруг мне предлагают в трехдневный срок подать свои предложения. Вместе с архитекторами уложился в отведенное мне время, но, конечно, это были только наброски.

В три дня прикинуть такую конструкцию, согласиться, не просто. Но в жизни Никитина было много необычного. Например, в один день он защитил и кандидатскую, и докторскую диссертацию.

В ящиках никитинского стола хранилось много интересного. Он рассказывал мне о мосте, который можно соорудить из... канатов. Положить на них плиты, и пойдут по гибкому километровому мосту автомашины. Тысячу метров на автомобиле по канатам не удавалось проехать еще никому на земле.

- А каким вы видите город будущего?

- Стоящим на огромной платформе, под которую упрятаны все транспортные коммуникации. А наверху - зелень, солнце и никакого шума. Сейчас же многие города мира «лезут под землю», пряча туда магазины, кинотеатры...

- Поделитесь своей мечтой.

- Хочется сделать для архитекторов такую систему конструкций, чтобы можно было уйти от шаблонов в строительстве. Знаете, этаким гибридом из металла и железобетона с взаимозаменяемыми деталями. Комплекс сборного и монолитного железобетона с металлом. Мечта самая земная, и не единственная. Даже если бы Николай Васильевич Никитин осуществил все свои идеи, то и тогда, по-моему, он был бы не удовлетворен собой, потому что таким людям мало одной жизни.

Гениальный творец, познавший пластику, прочность, «душ» железобетона, он ушел от нас в 1973 году. Но его фантастические дерзания через десятилетия, а может быть, и через столетия будут вдохновлять зодчих и строителей на создание невиданных сооружений.

Владимир ЧЕРТКОВ